

СТРАТЕГИЯ ДЛЯ РОССИИ

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: КОНЕЦ 2010-х — НАЧАЛО 2020-х ГОДОВ

*Тезисы рабочей группы
Совета по внешней и оборонной политике*¹

Оглавление

1. Введение.....	2
2. Глобальные тенденции	4
3. Региональные тенденции.....	10
4. Россия: результаты политики.....	13
5. Политика, нацеленная в будущее	19

¹ Руководитель авторской группы по подготовке тезисов — С.А.Караганов, декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского Университета «Высшая школа экономики», почетный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель Редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Руководитель редакционной группы — Ф.А.Лукиянов, председатель Президиума СВОП, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», научный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

Участники рабочей группы по подготовке тезисов СВОП: С.А.Афонцев, заведующий Отделом экономической теории ИМЭМО РАН, советник Круглого стола промышленников России и ЕС, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России; А.Г.Бакланов, к.и.н., советник заместителя Председателя Совета Федерации РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол; А.О.Безруков, советник Президента компании ОАО «Нефтяная компания „Роснефть“», доцент МГИМО МИД РФ; О.Н.Барабанов, профессор, заведующий кафедрой европейской интеграции европейского учебного колледжа МГИМО МИД РФ; Т.В.Бордачев, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, директор Евразийской программы Международного дискуссионного клуба «Валдай»; А.М.Высоцкий, референт департамента международного сотрудничества Аппарата Правительства РФ; Л.М.Григорьев, главный советник руководителя Аналитического Центра при Правительстве РФ; руководитель департамента мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник, ИМЭМО РАН; Д.Г.Евстафьев, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ; А.Г.Ионин, эксперт Космического кластера Фонда «Сколково», член-корреспондент Российской Академии Космонавтики им. К.Э.Циолковского, главный аналитик Некоммерческого партнерства «Содействие развитию и использованию навигационных технологий» (НП «ГЛОНАСС»); А.И.Колосовский, директор Департамента по правовым и корпоративным вопросам ООО «Майкрософт Рус», Чрезвычайный и Полномочный Посол; Е.Б.Кузнецов, заместитель генерального директора – директор проектного офиса, член правления ОАО «РВК»; А.В.Ломанов, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; А.В.Лосев, генеральный директор АО «УК «Спутник — Управление капиталом»»; И.А.Макаров, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Д.В.Суслов, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ.

Участники рабочей группы не обязательно разделяют все положения тезисов.

В редактировании текста приняли участие А.А.Белкин, директор международных проектов СВОП; Т.В.Борисова, распорядительный директор СВОП; а также научные сотрудники ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Д.П.Новиков и К.И.Чернявская.

1. Введение

1.1. Тезисы — результат убежденности группы членов СВОП и связанных с ними экспертов и общественных деятелей в том, что российская внешняя политика нуждается в новом интеллектуальном импульсе.

1.2. Тезисы — попытка описать и объяснить самим себе, политическому классу, обществу меняющийся окружающий мир, чтобы понять внешние условия на предстоящий период.

1.3. В тезисах есть и раздел с рекомендациями. Поскольку это неофициальный текст, авторы не ставили задачу проанализировать все направления внешней политики. А выделили лишь наиболее, с их точки зрения, важные и интересные.

1.4. При подготовке тезисов в полной мере учитывались официальные документы — выступления Президента, министра иностранных дел, Стратегия национальной безопасности РФ, подготовленная Советом Безопасности РФ. Надеемся, что тезисы помогут начавшейся разработке новой Концепции внешней политики РФ.

Участники рабочей группы в основном поддерживают нынешнюю внешнеполитическую линию. Но предлагают альтернативные оценки и варианты. В том числе и те, которые в силу официального статуса не могут позволить себе коллеги из органов государственной власти. Несмотря на обострение международной конкуренции и придание ей все более идеологического характера, полемика вокруг внешней политики жизненно необходима. В мире тотальной пропаганды и мифотворчества, замены реального виртуальным еще легче, чем раньше, не разглядеть того, что на самом деле происходит, стать заложником чужих или собственных легенд и идеологических установок. Пример — опыт американской и западной элит последних двух десятилетий, поверивших в миф о «либеральной демократии» как высшей и последней стадии развития человечества («конец истории») и попытавшихся навязывать эту демократию, «ускорить» естественный ход развития. Это не только привело к серии поражений, но и подстегнуло дестабилизацию огромных регионов, а теперь — через шаг — вызвало волну беженцев. Мы помним, чем обернулись для нашей страны миф о социализме как о «высшей и последней стадии» или безальтернативно продвигавшееся «новое политическое мышление», всерьез включавшее даже идею всеобщего ядерного разоружения. Острая дискуссия по внешней политике, продолжавшаяся в России в 1990-е годы, помогла предотвратить полную и безвозвратную сдачу позиций, не допустила победы линии на безоговорочное умиротворение Запада или попытки самоубийственного реванша, подготовила почву для возвращения к более реалистическому и национально-ориентированному курсу. Важную роль в той дискуссии сыграл Совет по внешней и оборонной политике, «либеральные империалисты», как обзывали тогда наших ветеранов.

Члены рабочей группы широко использовали собственные наработки прежних лет, в том числе разделы «Стратегии XXI»², подготовленной под эгидой СВОП в 2012-2013 годах, опирались на многие публикации российских экспертов.

1.5. Без осмысления и оппонирования нынешний жесткий, но пока достаточно осторожный и в целом продуктивный курс может деградировать, превратиться в способ отвлечения от широких задач национального возрождения и подъема, или привести к новому «перевовлечению», способному подорвать силу общества и государства, как случилось с СССР. Сохраняется опасность втянуться в гонку вооружений; а, например,

² «Стратегия XXI» была нацелена на морально-политическое восстановление, экономическую модернизацию и развитие, а его средством и одновременно целью должно стать сохранение и преумножение человеческого капитала страны, россиян. «Стратегия XXI» была выработана в дискуссиях почти двухсот интеллектуалов и политиков самой разной идейной ориентации, учитывает труды еще более широкого круга мыслителей и экспертов. Активное участие принимали люди молодые, в наибольшей степени заинтересованные в будущем России.

См. <http://svop.ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/strategy-xxi/9997/>

усугубление конфронтации с Турцией чревато новой «Крымской войной». Последняя, правда, стала толчком к необходимым реформам, которые создали основу для национального рывка в конце XIX века. Но предпочтительнее начать реформы без внешнего импульса в виде очередного военного конфликта.

1.6. В 2016 году исполняется четверть века распаду СССР, возникновению современной России. Необходимо тщательно анализировать опыт этих 25 лет. Но главное — думать о будущем, а не только сокрушаться о потерянном или «работать над ошибками». Тем более что грядущее устройство мира будет радикально отличаться от того, что существовало во второй половине XX века.

1.7. Тезисы — результат нескольких туров обсуждений в рабочей группе. Часть положений, касающихся трендов мирового и регионального развития, обсуждалась на российско-китайской конференции, организованной при участии Международного дискуссионного клуба «Валдай» в Шанхае 25–27 марта 2016 года. Подробное и глубокое обсуждение тезисов состоялось 9 апреля 2016 года на ежегодной Ассамблее СВОП³. В этом тексте учтена большая часть высказанных критических замечаний и дополнений.

С большой речью, содержащей в том числе и замечания по тексту тезисов, выступил один из ветеранов СВОП министр иностранных дел РФ С.В.Лавров. Тезисы продолжают традицию разработки Советом серии докладов по российской политике в 1990-х — начале 2000-х годов под общим названием «Стратегия для России».

1.8. Естественно, данный документ — лишь приглашение к дальнейшим размышлениям и спорам.

³ С критикой и дополнениями, большая часть из которых учтены, выступили А.Л.Адамишин, президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества, Чрезвычайный и Полномочный Посол; А.Г.Аксененок, советник председателя Правления ГК «Внешэкономбанк», Чрезвычайный и полномочный посол РФ; А.Г.Арбатов, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН; Н.К.Арбатова, заведующая отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН, директор научных программ Дискуссионного форума «Европейские диалоги»; А.О.Безруков, советник Президента ОАО «Нефтяная компания „Роснефть“», доцент МГИМО МИД РФ; Н.Н.Бордюжа, генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности; А.Г.Вишневецкий, директор Института демографии НИУ ВШЭ; В.П.Ворожцов, начальник Управления по работе с органами государственной власти общественными организациями и СМИ ОАО «Газпром газораспределение»; А.М.Высоцкий, референт департамента международного сотрудничества Аппарата Правительства РФ; А.Т.Габуев, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги; А.В.Грушко, постоянный представитель Российской Федерации при Организации Североатлантического договора (НАТО); А.Ю.Дубнов, эксперт по странам СНГ, политолог; К.Ф.Затулин, директор Института стран СНГ; А.Н.Клепач, заместитель Председателя (главный экономист) — член Правления Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; Е.М.Кожокин, проректор по научной работе МГИМО МИД РФ; Ф.А.Лукиянов, председатель Президиума СВОП; главный редактор, журнал «Россия в глобальной политике»; профессор-исследователь факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; научный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; А.В.Малашенко, член Научного Совета, Московский Центр Карнеги; С.А.Марков, первый заместитель председателя, Комиссия по развитию общественной дипломатии и поддержке соотечественников за рубежом Общественной палаты РФ; директор Института политических исследований; А.И.Подберезкин, профессор, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ, заместитель главного редактора журнала «Вестник МГИМО-Университета»; Е.А.Примаков, автор и ведущий программы «Международное обозрение» телеканала «Россия 24»; Ю.И.Рубинский, профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН; Г.А.Тосунян, президент Ассоциации Российских банков, руководитель Центра финансового и банковского права Института государства и права РАН; В.Т.Третьяков, профессор, декан «Высшей школы телевидения» МГУ им. М.В.Ломоносова; С.А.Цыпляев, президент Фонда «Республика» (г.Санкт-Петербург), декан Юридического факультета Северо-Западного Института управления РАНХиГС при Президенте РФ; С.В.Чернышев, помощник министра по торговле Евразийской экономической комиссии; М.Л.Энтин, освобожденный профессор МГИМО МИД РФ.

2. Глобальные тенденции

2.1. Уровень развития экономики остается основным показателем силы и влияния государств в мире. Эта тенденция углубилась в последние десятилетия благодаря демократизации мира, почти повсеместному росту влияния масс на политику государств. А первое требование масс — благосостояние. Две ведущие державы мира — Соединенные Штаты и Китай — делают ставку на экономические факторы силы. США — из-за невозможности перевести военную силу (даже такую гигантскую, как американская) в сопоставимое политическое влияние (минувшее десятилетие это убедительно доказало). Китай — из-за относительной слабости других факторов влияния и в духе национальной культуры, которая в основном не предполагает силовую экспансию и опору на «жесткую силу».

2.1.1. Экономическое соревнование может обостриться и стать еще более значимой частью мировой конкуренции из-за начавшейся смены технологического уклада: развития цифровой революции, новой волны роботизации, почти революционных изменений в медицине, образовании, в энергетической сфере⁴.

2.2 Технологическая революция, скорее всего, усугубит еще одну кардинальную тенденцию — непредсказуемое, сверхбыстрое перераспределение сил и повышение по этой причине потенциала конфликтности в мире. На этот раз, возможно, за счет нового сдвига глобального ВВП в сторону от производителей энергоносителей и сырья, дальнейшего вытеснения массовых профессий из индустрий теперь уже и в развивающемся мире, обострения неравенства внутри стран и между ними.

2.3. Неизвестно, приведет ли технологическая революция к возобновлению устойчивого экономического роста. На обозримую перспективу стоит ожидать его замедления, вероятно, нового кризиса по-прежнему неустойчивой международной финансовой системы, экономических шоков в широком понимании.

2.3.1. Старый Запад не останется лидером развития. Но взрывное смещение влияния в пользу «новых», которое наблюдалось в последние 15 лет, скорее всего, замедлится. А конкуренция обострится — из-за общего снижения темпов и накопленных диспропорций. Новые страны станут все громче требовать для себя такого положения в мировой экономической системе, которое соответствовало бы достигнутому ими уровню экономического развития. Старые — отчаяннее защищать свои позиции.

2.3.2. Это замедление наряду с технологическими переменами, «позеленением» мышления большинства человечества ведет к очередному циклическому падению спроса на традиционные энергоносители, многие виды сырья и металлов. Зато вероятен рост спроса на продовольствие и другие водоемкие товары.

2.3.3. Начался процесс быстрого переформатирования, если не разрушения системы глобального экономического регулирования, созданной в основном Западом после Второй мировой войны. Увидев, что сложившаяся модель дает равные преимущества поднимающимся конкурентам, старый Запад стал от нее отступать. ВТО постепенно отходит в тень, уступая место двух- и многосторонним торгово-экономическим соглашениям. Систему МВФ–Мирового банка дополняют (и начинают теснить) региональные структуры. Начинается медленная эрозия доминирования доллара. Возникают альтернативные платежные системы. Почти повсеместный провал политики «вашингтонского консенсуса» (которому пыталась, а частично и сейчас пытается следовать Россия), подорвал моральную легитимность прежних правил и институтов.

⁴ Радикальный, но в целом глубокий прогноз вызовов новой технологической революции см. в статье Е.Б.Кузнецова «Россия и мир технологического диктата. Три сценария будущего» в журнале «Россия в глобальной политике» №2, 2016 г. <http://www.globalaffairs.ru/number/Rossiya-i-mir-tehnologicheskogo-diktata-18023>

2.3.4. Конкуренция переносится в сферу технических, экологических и иных стандартов. В дополнение к региональным экономическим союзам, создававшимся в последнее десятилетие, строятся макроблоки. США с группой ориентированных на них стран запускают Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Китай вместе со странами АСЕАН создает Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП). Одновременно Соединенные Штаты через заключение Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) стремятся закрепить в своей орбите Европу, не допустить ее сближения с евразийским пространством. Поскольку применение военной силы, особенно в отношениях между крупными государствами, крайне опасно, распространенным инструментом внешней политики становятся санкции, применение других экономических инструментов без легитимации СБ ООН. Ситуация напоминает прошлые века, когда блокады, эмбарго были обыденностью. И часто вели к войнам.

2.3.5. Взаимозависимость, глобализация, еще недавно считавшиеся преимущественно благом, все чаще становятся фактором уязвимости. Особенно когда страны, создавшие нынешнюю систему и сохраняющие в ней ведущие позиции, готовы использовать их для извлечения сиюминутной выгоды или удержания доминирования — экстерриториальным применением внутреннего законодательства, ограничительными мерами, созданием помех для взаимозависимости там, где она им представляется невыгодной. (Например, десятилетия усилий по предотвращению, а потом ослаблению позитивной взаимозависимости между СССР/Россией и Европой в области торговли газом и порождаемым ей встречным потоком товаров и услуг). Создатели либерального мирового экономического порядка во многом де-факто уже работают против него. Что остро ставит вопрос о соотношении необходимой открытости мировому рынку и защиты от него.

2.4. Сообщество развитых стран изменит свою конфигурацию. Раньше или позже в него вольются регионы и страны прежнего развивающегося мира, прежде всего, Китай, некоторые государства АСЕАН, Индия. Часть прежде развитого мира будет стремительно отставать. Такая участь угрожает странам юга и востока Европы, в том числе и России, если она не изменит коренным образом свою экономическую политику.

2.5. Основные тенденции экономического и технологического развития усугубляют неравенство внутри стран и между ними. Даже в относительно богатых государствах расслаивается и сжимается средний класс, растет число скользящих вниз по социальной лестнице. Это мощный источник обострения напряженности внутри стран и в мире, подъема радикальных сил и склонности к радикальной политике.

2.6. Катализатором конфликтности в современном и будущем мире служит структурная дестабилизация (на многие десятилетия) и хаотизация Ближнего и Среднего Востока, части Африки, других близлежащих регионов, рост исламского экстремизма, терроризма, массовых миграций (подробнее см. раздел 3 «Региональные тенденции»).

2.7. Одной из коренных тенденций начала XXI века стала реакция Запада на резкое ослабление в 2000-е годы его позиций — военно-политических (из-за Афганистана, Ирака, Ливии), экономических (после кризиса 2008-2009 годов), морально-политических — из-за снижения эффективности современных западных демократий как способа управления, адекватного современному миру (Европа), его легитимности в глазах собственного населения (подъем правых и левых), несоответствия провозглашенного идеалам и ценностям (Гуантанамо, Ассанж, массовая слежка), из-за раскола элит (США). Ослабление воспринимается особенно болезненно после, как казалось, окончательной и блистательной победы к концу XX века.

Последствия этого удара не преодолены, особенно в Европейском союзе, где усугубляется структурный кризис (см. раздел 3). Налицо попытка консолидации и даже реванша перед лицом поднимающегося не-Запада. С этим связаны идеи ТТП и ТТИП, стремление развернуть финансовые потоки от развивающихся стран обратно в США; в

этом один из истоков противостояния вокруг Украины, политики санкций, беспрецедентного со времен ранней холодной войны и часто за гранью «фола» политического и информационного давления на Россию. В ней видят «слабое звено» не-Запада. На кону позиции в мире, попытка развернуть вспять процесс укрепления новых лидеров, прежде всего, Китая.

Если 10 лет тому назад в центре мировой политики было «управление подъемом новых», то, вероятно, в ближайшие годы лозунгом может стать «управление спадом старых». И это кроме всех других проблем.

2.8. Среди факторов, определяющих международную повестку дня, вес и влияние государств, по-прежнему преобладают экономические и научно-технические. Однако их стала теснить политика, в том числе силовая. Причин немало. Ключевые — рост нестабильности и турбулентности, «ренициализация» международных отношений (возвращение национальных государств в качестве главных игроков мировой политики и экономики вместо предсказывавшегося господства международных институтов, ТНК или НКО). Свою роль сыграл и подъем Азии — континента национальных государств. А государства, особенно новые, действуют, как правило, по классическим правилам. Стремятся обеспечить, прежде всего, свою безопасность и суверенитет.

Без сомнения, транснациональные факторы (глобальное гражданское общество, гигантские компании) крайне влиятельны. Однако они воздействуют на условия, в которых существуют и действуют государства, бросают им новые вызовы, но не подменяют государства (и в принципе не могут) в качестве базового элемента международной системы.

Возвращению государства на центральные позиции в мировой системе содействует и увеличение числа нерешаемых глобальных проблем, в то время как старые институты международного управления не способны с ними справиться.

2.8.1. Повышение значимости военной силы в международных отношениях, как отмечалось, ограничено. На верхнем, глобальном уровне — между великими державами — прямая сила почти неприменима. Работает фактор ядерного сдерживания. Изменение менталитета и ценностей большинства человечества, информационная открытость, опасения эскалации конфликтов на ядерный уровень препятствуют массированному применению военной силы «на среднем уровне». А когда это происходит, то чаще всего приводит к политическому поражению (Афганистан, Ирак, Ливия). Хотя есть и обратные примеры — Россия в Чечне и Грузии. Пока в Сирии. Поэтому применение силы опускается на более низкие уровни — дестабилизация, провоцирование внутренних противостояний, гражданских войн и субрегиональных конфликтов и затем их урегулирование на выгодных внешним силам условиях.

2.8.2. Возможно, роль военной силы возрастет из-за долговременной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока, Северной и Экваториальной Африки. В любом случае — из-за повышения динамики и непредсказуемости международных отношений, сверхбыстрого и разнонаправленного изменения соотношения сил в мире, между регионами и внутри них.

2.8.3. Этой тенденции способствует эрозия и раньше не всегда эффективно действовавшего международного права, особенно в 1990-е и 2000-е годы: нелегитимное признание Западом отколовшихся республик Югославии в начале 1990-х годов; бомбардировка в конце десятилетия того, что осталось от Югославии и отторжение Косово; агрессии против Ирака, Ливии. Россия в основном была привержена легитимистской традиции во внешней политике, однако временами отвечала в том же духе — в Закавказье, на Украине. Неясно, возможно ли возвращение к «игре по правилам», к

«концерту наций» или мир погружается в хаос вестфальской системы (а то и предвестфальского периода), но уже на глобальном уровне.

2.8.4. Военная сила вкупе с ответственной и умелой дипломатией становится важнейшим фактором поддержания международного мира, предотвращения эскалации накопившихся структурных экономических и политических противоречий к глобальной войне. Растет ответственность, роль и влияние стран (в том числе России), способных предотвращать скольжение к такой войне и эскалации конфликтов. Это тем важнее, что уже 7-8 лет мир, по сути, находится в предвоенном состоянии — из-за накопленных противоречий и дисбалансов, которые не уравниваются адекватной политикой и дееспособными институтами. По мере того, как уходит память о страшном XX веке, слабеет страх перед большой войной. У части мировых элит ощущается даже подспудное стремление к ней, они не видят иного способа разрешить наслаивающиеся одно на другое противоречия. Тревожна ситуация в Азии. Конфликтность нарастает, а опыта предотвращения коллизий и институтов безопасности недостает. Весьма вероятно, что «вакуум безопасности» вокруг Китая создает запрос на творческую, ответственную и конструктивную дипломатию России.

2.8.5. В мире традиционной политики такое быстрое перераспределение экономических, политических сил, морального влияния почти неизбежно вызвало бы серию масштабных войн или даже новую мировую войну. Но пока их предотвращает главный среди структурных факторов, уже семьдесят лет определяющий развитие мира — наличие ядерного оружия, особенно сверхкрупных арсеналов у России и США. Они не только не допустили перерождения «холодной войны» в мировую. Не будь отрезвляющей роли угрозы ядерного Армагеддона, «старый» мировой истеблишмент едва ли согласился бы с взрывным ростом влияния поднимающихся держав, в первую очередь Китая, Индии. Но продолжается распространение ядерного оружия. А уровень доверия, диалога, позитивного взаимодействия в военно-стратегической сфере крайне низок. В совокупности это увеличивает вероятность ядерной войны. Менее устойчивой стала международная стратегическая стабильность.

2.8.6. В нестабильном мире, который все менее управляем, необходимо новое осмысление роли ядерного оружия. Не только как безусловного зла (так его трактует гуманистическая традиция), но и как гаранта мира и выживания человечества, обеспечения условий для свободного развития государств и народов. Мир видел, что происходит, когда жесткое ядерное сдерживание (*deterrence*) ушло на несколько лет из-за слабости России в 1990-е годы. НАТО напала на беззащитную Югославию и бомбила ее 78 дней. Под выдуманными предложениями была развязана война против Ирака, унесшая сотни тысяч жизней.

Одновременно все более насущна задача предотвращения ядерной катастрофы, которая могла бы окончить историю человечества, или даже одиночного или ограниченного применения ядерного оружия. Последнее ослабит функцию ядерного оружия как средства поддержания международной стабильности и мира.

2.8.7. Первостепенной задачей становится недопущение новой большой войны в результате ошибки, эскалации напряженности, какого-либо конфликта или провокации. Вероятность провокаций растет. Особенно на Ближнем Востоке.

2.9. Помимо возвращения силовой политики начался быстрый процесс превращения экономических отношений в инструмент взаимного давления. Страны и их группы все чаще прибегают к использованию возросшей экономической взаимозависимости и открытости в национальных целях. Экономическая сфера на глазах перестает быть либеральной в прежнем понимании, становится геополитическим оружием. В первую очередь, это политика санкций, ограничения доступа к финансам, попытки диктовать технические, экономические и санитарные стандарты, манипулирование платежными системами, трансграничное распространение национальных правил и законов. Чаще других к таким мерам прибегают США, но не только они. Распространение подобной практики будет еще больше подрывать старую глобализацию, требовать

рениационализации или регионализации многих экономических режимов. Конкуренция становится «бесшовной» и тотальной, грань между политическими целями и экономической целесообразностью стирается. ТНК и НКО участвуют в этой борьбе. Но, повторим, на переднем крае — государства и их объединения.

2.10. На место модели холодной войны (а большую ее часть существовала не двух-, а трехполярность, когда СССР приходилось противостоять и Западу, и Китаю), а затем краткого «однополярного момента» мир, похоже, движется через многополярность к новой (мягкой) двухполярности. При помощи остающихся военно-политических союзов, ТТП, ТТИП Соединенные Штаты стремятся консолидировать вокруг себя старый Запад, перетянуть часть новых развитых стран. Одновременно появились предпосылки для формирования другого центра — Большой Евразии. Ведущую экономическую роль там может играть Китай, но его превосходство будет уравниваться другими мощными партнерами — Россией, Индией, Ираном. Объективно центром, вокруг которого возможна консолидация, могла бы быть Шанхайская организация сотрудничества.

2.11. Пока неясно, какое место в новой конфигурации займет Европа. Вряд ли она сможет играть роль самостоятельного центра. Возможно, за нее развернется или уже развернулась борьба.

2.11.1. Если нынешняя хаотическая и неустойчивая многополярность будет сменяться двухполярностью, важно избежать нового жесткого раскола, особенно военно-политического, следующего тура структурного военного соперничества.

2.11.2. Быстрые изменения с открытым результатом, чреватые скатыванием к конфронтации, требуют ответственной и конструктивной, нацеленной в будущее политики великих держав. Сейчас это «треугольник» — Россия, Китай, США. В перспективе — еще и Индия, Япония, возможно, Германия, Франция, Бразилия, ЮАР, Южная Корея, Великобритания. Пока к потребностям нового мира в «треугольнике» приближаются только отношения Россия–Китай. Но и им не хватает стратегической глубины и глобального охвата. Перспективы нового «концерта держав» для XXI века пока не просматриваются. «Большая двадцатка» полезна, но не способна заполнить геостратегический вакуум, она нацелена на регулирование сегодняшних проблем, а не на работу по упреждению будущих. «Большая семерка» — во многом организация из прошлого, и в любом случае не глобальный институт, а клуб западных государств, отражающий только их интересы.

2.12. Все большее влияние на мировую политику оказывает информационный фактор. И из-за технологических изменений, ведущих к взрывному росту объемов информации, которая обрушивается на людей, и из-за демократизации большинства стран. Под влиянием информационной революции меняется в сторону упрощения картины мира психология масс, значительной части политических лидеров, склонных все больше реагировать на последние информационные раздражители. Информатизации, идеологизации международных, в том числе, внешнеполитических процессов содействует и политика Запада, сохраняющего доминирование в мировых СМИ и информационных сетях. Их все активнее используют для продвижения односторонне выгодных представлений.

2.12.1. Новый и относительно неожиданный фактор мирового развития — реидеологизация международных отношений. 10-15 лет тому назад многим казалось, что мир пришел к единой идеологии либеральной демократии. Однако снижение эффективности развития стран демократического мира и относительный успех государств авторитарного капитализма или нелиберальных демократий с сильными лидерами вернул на повестку дня вопрос о том, кто побеждает и за кем следовать. В США и у части европейцев, теряющих мировые позиции, усилился оборонительный демократический мессианизм. Ему противостоит нарождающаяся идеология нового консерватизма (пока, правда, концептуально не оформленная), подъем национализма, культ суверенитета, модель лидерской демократии.

2.12.2. С частичным уходом традиционных ценностей и религий, с исчерпанием многих природных и, прежде всего, экологических ресурсов, с отступлением либеральной демократии в мире образовался и углубляется морально-идеологический вакуум. И за его заполнение разворачивается новый этап идеологической борьбы, который накладывается на все иные сдвиги и обостряет их.

2.12.3. Модернизация, вызванная в основном технологическими и информационными факторами, повсеместно обостряет напряжение внутри обществ и между государствами. В долгосрочной перспективе это напряжение не снять обращением только к консерватизму и традиционным ценностям. Стоит вопрос о постоянном поиске системы ценностей, соединяющей традицию и устремленность в будущее. Такая устремленность есть в западных обществах, лидирующих в сфере «позеленения» сознания и экономики.

2.12.4. Идеино-информационная сфера крайне подвижна, переменчива, играет важнейшую роль в каждодневной политике. Но влияние ее преходяще. Это ставит перед всеми странами, в том числе перед Россией, двудединую задачу: (1) активно воздействовать на нее и через нее — на мир и собственное население; но и (2) не стать в реальной политике заложником информационных сквозняков и бурь. Именно реальная (не виртуальная) политика по-прежнему определяет влияние государств, их способность проводить свои интересы. Москве это пока в целом удается.

2.13. В последние годы проявился ряд позитивных тенденций, позволяющих сохранять надежду на то, что в будущем мире сотрудничество будет превалировать над соперничеством. Между Россией и Китаем выстраиваются доверительные и дружеские отношения. Такие же связи возникают между Россией и Индией. Решена проблема химического оружия в Сирии и ядерной программы Ирана. На Парижском саммите по климату достигнута потенциально историческая договоренность в первую очередь благодаря взаимодействию Китая и США, ранее препятствовавших таким соглашениям. Наконец, вселяют осторожный оптимизм дипломатические сдвиги в казавшемся абсолютно тупиковым и безнадежным сирийском конфликте (перемирие, политический процесс, сокращение российского контингента после успешной военной операции).

3. Региональные тенденции

3.1. Центр мировой экономики и политики продолжит сдвигаться в Восточную и Южную Азию, хотя и медленнее, чем в предыдущем десятилетии. Регион становится не только производственным, но все больше — научно-техническим лидером, лидирует в экспорте продукции высоких технологий.

3.2. Набирает силу тенденция к переориентации финансовых и товарных потоков с модели «Азия для мира» к «Азия для Азии». Внутренний азиатский рынок становится главным источником экономического роста региона.

3.3. В ходе этого процесса (а также из-за все более жесткого противодействия США на тихоокеанском направлении), Китай сделал ставку на экономическую экспансию в направлении юго-запада и запада: к Ирану, Пакистану, Индии, Персидскому заливу, России и Европе. Возникли предпосылки для формирования центральноазиатского и затем евразийского центров сотрудничества и развития. России это открывает новые большие возможности, хотя и бросает вызовы.

3.4. КНР предсказуемо замедляет темпы роста. Но на ближайшие годы они останутся опережающими по сравнению с остальными центрами силы. Велика вероятность того, что уже в обозримом будущем — десять лет — Китай будет по совокупной мощи превращаться в первую державу мира. Он сохранит отставание от США по ВВП на душу населения, по размеру военного потенциала. Но авторитарная политическая система позволяет более эффективно, концентрированно и быстро мобилизовать ресурсы для целей внешней политики. Растет «мягкая сила» Китая — как способность предоставлять партнерам гигантские экономические ресурсы для развития, так и доступ на свой рынок. Подспудно, но все более очевидно КНР предлагает свою экономическую и политическую модель для подражания, особенно, развивающимся странам. Совершенствуется дипломатический опыт Пекина, его военный потенциал. Через несколько лет Россия может иметь на восточных границах еще более мощного соседа. Встанет вопрос об использовании новых возможностей и о создании условий и институтов, чтобы новая мощь Китая не воспринималась соседями, в том числе и Россией, как угроза, и не толкала бы Евразию к расколам.

3.5. Качество и количество имеющихся интеграционных и межгосударственных объединений в Евразии пока оптимально, не требует расширения. Эти объединения — ЕАЭС, ОДКБ, Союзное государство России и Беларуси, необходимо укреплять, наполнять содержанием. Из-за накопленных проблем и спада экономики Россия не сможет в ближайшие годы экономически поддерживать и субсидировать союзников. Неизбежен рост центростремительных тенденций в союзах и интеграционных группировках. Это — еще один аргумент (если нужны дополнительные) в пользу реформ, которые вели бы к росту российской экономики. Но и в целом метод покупки союзников субсидиями себя исчерпывает. Опыт Украины, которой почти четверть века продавали газ по заниженным ценам (общая сумма субсидий — 200–250 млрд долл.) — наглядный пример. Деньги разворовывались. Не порождая ни благодарности, ни лояльности.

3.5.1. Временное ослабление союзов можно попытаться сгладить встраиванием их (прежде всего ЕАЭС) в совместные проекты с Китаем в рамках концепции «сопряжения» ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. В противном случае страны будут выходить во внешний мир, в том числе начинать партнерство с Китаем, с более слабых позиций и поодиночке, это объективно стимулирует центробежные тенденции. Неочевидна полезность диалога Евросоюз–ЕАЭС. Возможно, если речь пойдет о выработке соглашений, облегчающих условия взаимной торговли, он целесообразен. Но может ли ЕС в нынешнем и ожидаемом состоянии выступать дееспособным партнером? И не будет ли Еврокомиссия пытаться использовать диалог в традициях почившего в бозе, но

нанесшего серьезный урон европейской стабильности и безопасности «Восточного партнерства» — попытки расширить сферу влияния ЕС?

3.6. Достигнув выдающихся результатов, став примером постисторического, ненасильственного, гуманного международного порядка, комфортной жизни для большинства граждан, Европейский союз с середины 2000-х годов вступил в период многоуровневого кризиса. Среди причин: падение конкурентоспособности экономик большинства стран ЕС на мировых рынках; избыточная для современного мира «социальность» большинства стран, подрывающая эту конкурентоспособность; слишком быстрое и масштабное расширение на волне эйфории 1990-х годов, усугубившее культурные и экономические различия внутри объединения; политически мотивированное решение о создании евро без обязательного для единой валюты общего экономического управления; решение о движении к единой внешней и оборонной политике, следствием чего стала политика наименьшего общего знаменателя, еще более обессилившая страны Европы во внешнем мире; де-факто провалившаяся модель мультикультурализма; отход элит ЕС от многих традиционных европейских ценностей, в том числе христианства; углубление политического и культурного разрыва между массами и элитами; «демократический дефицит» — передача полномочий от государств к Брюсселю, вызывающая все большее раздражение и противодействие. И одновременно достигнутый уровень демократии в большинстве стран Евросоюза ведет к неспособности элит принимать долгосрочные и трудные решения, прогрессирующему ослаблению лидерства. Наконец, мир вокруг Европы пошёл по «неевропейскому» пути — к ренационализации, военно-политической дестабилизации, возвращению силовой политики. Инструментов влияния на такой мир у Европы нет.

В последние полтора десятилетия ЕС все больше погружался в свои проблемы, более или менее успешно пытался погасить, но, как правило, не решить один кризис за другим, «затушевать» ситуацию, демонстрируя, даже искусственно, жизнеспособность проекта. Одно из проявлений — попытка перетянуть на свою сторону Украину. Европейские элиты до сих пор занимаются эскапизмом, не признают серьёзность проблем. Кризис с беженцами подрывает еще одну попытку спасти европроект — через почти безусловное немецкое лидерство. Кризис европейской интеграции повысил роль НАТО как скрепляющего пояса европейского пространства, значимость США и стран, ориентирующихся на них, стимулировал тягу к старому конфронтационному типу отношений на субконтиненте. Но ситуация крайне подвижна.

Деградация европроекта, тенденция к ренационализации в ЕС, успехи правых националистических сил (возможно, в перспективе и крайне левых) в чем-то расширяют возможности России, но в основном создают гораздо больше проблем. Вместо не всегда дружественного, но в целом комфортного, стабильного и богатого соседа наша страна может получить множественные вызовы, а далее, если деградация не остановится, даже и конфликтные ситуации. Нарастает стремление части европейских элит максимально спрятаться под крыло уходящих из Старого Света США, в том числе и за счет конфронтации с Россией. Уже и сейчас одна из главных причин нагнетания противостояния в отношениях с Россией — желание самоорганизоваться против «внешнего врага», чтобы направить полученную энергию внутрь, на спасение европроекта. Угрозы Европе исходят изнутри и с Юга — с арабского Востока, в перспективе — из Африки. Но правящие круги пытаются сделать вид, что опасность — на Востоке. Конфронтация почти получается. Спасение — нет. Турбулентность внутри Евросоюза делает его еще более трудным и ненадежным партнером. Многие функции отданы на уровень Брюсселя. А он теряет дееспособность.

3.7. Проект европейской безопасности, как он задумывался в Хельсинки в 1975 году, исходил из условий холодной войны, а Парижская хартия для новой Европы, принятая в 1990 году, не сработала. Впрочем, и она была согласована в уходящей геополитической

реальности — еще существовал Советский Союз, который, несмотря на идеализм тогдашнего руководства и общий внутренний упадок, все-таки обеспечивал определенный баланс в Старом Свете и мире. Распад СССР окончательно ликвидировал этот баланс, превратив идею единой Европы в проект Европы единообразной. Нового документа, который регулировал бы ситуацию в Европе после конца «холодной войны» и исчезновения Советского Союза, нового мирного договора выработано так и не было. На субконтиненте образовался договорный и политический вакуум, грозящий дестабилизацией. Европа не стала пространством единой и неделимой безопасности и сотрудничества. Причины: стремление западных партнеров распространить зону влияния и контроля на территории, которые Москва считала жизненно важными с точки зрения безопасности, нежелание учитывать интересы и обеспокоенности России, отсутствие на протяжении 25 лет серьезного откровенного диалога между русскими и другими европейцами, объективное расхождение ценностей (Россия поворачивалась к старым европейским, евроэлиты — к постевропейским), слабость России и слишком долгое стремление ее элит «понравиться» и умиротворять.

Украинский кризис, вызвавший взрыв взаимного недоверия и враждебной риторики, скорее всего, подвел черту под прошлыми надеждами. На Западе кто-то хотел бы воссоздать военно-политический раскол, структурную конфронтацию к востоку от ее прежних границ. Другая часть предпочла бы восстановить неудавшуюся структуру отношений 1990-х — 2000-х годов. Первый вариант неприемлем для России и гораздо менее стабилен, чем прежний. Второй и политически, и интеллектуально исчерпал себя. Какие-то его элементы могут быть полезны только на период поиска новой модели.

3.8. США остаются на обозримое будущее экономическим, технологическим и научным лидером мира. Но это лидерство будет подтачиваться как структурными проблемами в американской экономике, прежде всего долгом, так и еще более — поляризацией политической системы, падением ее эффективности. Во внешней политике она выражается в доминировании неоконсерваторов справа и либеральных интервенционистов, в вымывании относительно реалистического центра, в резком снижении компетентности и ответственности политики. Налицо отход от либеральных моделей желаемого мироустройства в пользу откровенно неоимпериалистических. Одновременно нарастают признаки изоляционизма. Пока это сочетание выражается в попытке создать вокруг себя новые блоки, продолжать диктовать правила. Внутривнутриполитические расколы подорвали качество американской политики. Другое объяснение эскапад последних лет — сознательное стремление дестабилизировать мир, увеличить зависимость от себя, — представляется менее очевидным. Хотя и такая цель, по-видимому, присутствует, например, в американской политике в Европе. Впереди у США трудный период приспособления к новой реальности, когда мир будет все меньше готов принимать американский мессианизм или исключительность. Вероятны новые шараханья от изоляционизма к интервенционизму или их взрывоопасному сочетанию.

Задача международного сообщества, в том числе России — ограничивать ущерб от этих метаний, предотвращать, в том числе путем твердого военно-политического сдерживания, его наиболее опасные проявления, содействовать тому, чтобы энергия этой великой страны была направлена на конструктивные для нее и мира цели.

3.9. На несколько десятилетий дестабилизирован огромный регион Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Главные причины — демографические дисбалансы, культурно обусловленная неспособность стран и обществ к успешному развитию в современных условиях, помноженные на раздражение масс людей, которым посредством телевидения, информационных сетей стали доступны картинки жизни гораздо более благополучного «золотого сегмента». Неудачные и безответственные военные акции Запада последних лет в Ираке, Ливии, Афганистане, поддержка «арабской весны» резко усугубили ситуацию. Она осложняется и религиозным, и великодержавным, и

постимперским соперничеством, стремлением одних воссоздать халифат, ностальгией других по Османской или Персидской империи. Наглядно проявилась искусственность многих границ в регионе, навязанных бывшими колониальными державами. Расширяется и число де-факто несостоявшихся государств.

Объективно растет опасность попадания оружия массового поражения в руки экстремистских группировок.

Если хаос продолжит распространяться, регион и близлежащие страны будут поставщиком все более масштабных волн беженцев и терроризма. ИГИЛ, запрещенный в России, пришел на смену «Талибану» и «Аль-Каиде». За ним последуют другие. Нестабильность наверняка распространится (и уже начала) на сопредельные регионы Африки. Ни социальными, ни военными, ни политическими методами, ни с помощью диалога эти проблемы в обозримом будущем не решить. Видимо всем, в том числе России, придется приспосабливаться к этой реальности, пытаться содействовать нахождению нового баланса сил, предотвращать расползание терроризма, нестабильности, радикализма. Особая задача — поддержка пока относительно стабильных, но потенциально уязвимых государств: Алжира, Египта, Туниса, Марокко, Иордании, Саудовской Аравии, укрепление позиций государств, потенциально способных стать источниками региональной стабильности, но пока враждующих — Ирана и Израиля.

3.10. Особый вызов: найти адекватные методы борьбы с экстремистскими настроениями, которые поднимаются и начинают превалировать в общественном мнении значительной части исламского мира. Накопленный потенциал экстремизма не позволяет надеяться на его искоренение в обозримом будущем преимущественно экономическими методами или с помощью диалога и проявления терпимости. И уж тем более — не экспортом «демократизма» (как раньше социализма) в регионы преобладания ислама. Человечество столкнулось с очередной общей опасностью.

4. Россия: результаты политики

4.1. Российская внешняя политика последнего десятилетия была в целом удачной. Дипломатия по-настоящему мастерской. Слабым звеном остается внутреннее экономическое развитие. Пока внешняя политика с лихвой компенсировала эту слабость. Но эти возможности не безграничны. Один из важнейших показателей веса и влияния страны в международной системе — ее доля в мировом ВВП — снова понижается.

4.1.1. На новом качественном уровне и пока с терпимыми затратами воссоздана военная мощь. Она позволяет более эффективно отвечать на вызовы все более турбулентного и опасного мира, до известной степени восполнять дефицит других факторов силы — экономической, информационной. Явным успехом стало прямое использование вооруженных сил для предотвращения расползания сирийского конфликта. Принципиально важно и крайне отрадно, что Москва в Сирии умело сочетает военные и дипломатические инструменты, не допуская перекоса ни в одну сторону и сокращая возможные издержки.

4.1.1.1. Российское руководство подчеркивает, что оно не позволит втянуть страну в гонку вооружений. Но риск сохраняется, особенно после 2020 года, когда США начнут очередной цикл обновления своего стратегического потенциала. Заявленные российские планы — и модернизация стратегического ракетно-ядерного потенциала, и оперативно-тактических средств, и систем ПРО и, особенно, создание и развертывание высокоточных неядерных средств большой дальности — каждое по отдельности логично. Но в совокупности могут оказаться непосильными. Особую тревогу вызывает угроза втягивания в гонку неядерных, по сути стратегических, вооружений, которая выгоднее более богатой стороне, или даже является в значительной части блефом подобно Стратегической оборонной инициативе Рональда Рейгана, повергшей в панику советское руководство. Существуют гораздо более эффективные, преимущественно ядерные средства нейтрализации или даже предотвращения появления таких угроз.

Мы не рекомендуем (см. ниже) возвращение к переговорам по ограничению и сокращению вооружений, по мерам укрепления доверия в прежних формах. Но стоит рассмотреть целесообразность в среднесрочной перспективе многосторонних переговоров с участием всех ядерных держав, многие из которых активно развивают свои ядерные потенциалы, о предотвращении подрыва международной стратегической стабильности и возможном ограничении отдельных направлений гонки вооружений.

4.1.2. С запозданием и дорогой ценой, однако в целом получается остановить экспансию западных структур и союзов на территории, которые в России считаются жизненно важными с точки зрения безопасности. Продолжение экспансии почти неизбежно грозило гораздо более опасным столкновением. Россия, увидев еще в 2011-2013 годах неизбежность дальнейшего обострения отношений с Западом и убедившись в бесплодности попыток «договориться по-хорошему», нанесла встречный или упреждающий удар. Последовало самое жесткое с начала 1980-х годов давление, открыто нацеленное на «смену режима». Россия его пока выдержала. Запад начал привыкать к необходимости учитывать интересы России, к ее способности их жестко отстаивать. Заложена основа для более здоровых и справедливых отношений, основанных на взаимном уважении. Но поиск нового баланса займет время. Напряженность будет длительной. Важно не допустить ее эскалации и структурирования, возвращения к новой «холодной войне», неизбежно более опасной, чем прежняя.

4.1.3. Успехи внешней политики, присоединение Крыма помогли консолидировать большую часть общества и элиты. Началась «национализация» элит. Правда, пока не предьявлены цели консолидации — стратегия развития.

4.1.4. Удалось частично остановить и даже, возможно, повернуть вспять распад постсоветского и исторического российского имперского пространства, угрожавший усугублением конфликтности, борьбы внешних сил за влияние на нем. Столкновение на Украине — пример последствий дезинтеграции.

4.1.5. С запозданием, но начат и развивается экономический, и частично политический поворот к растущей Азии, в том числе через развитие Сибири и Дальнего Востока.

4.1.6. Установлены отношения дружбы и глубокого стратегического партнерства с Китаем. Они открывают дополнительные возможности для развития востока страны, снижают военно-политические вызовы на том направлении. Через соглашение о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и ЕАЭС удалось избежать соперничества в Центральной Азии, на которое рассчитывали внешние силы.

4.1.7. Активизировались связи с Индией — потенциально одной из великих держав будущего.

4.1.8. Нарботаны возможности углубления сотрудничества с Японией, Южной Кореей. Япония и Республика Корея должны в перспективе играть большую роль в развитии Зауралья.

Учитывая противоречия между многими странами в этой части мира, России стоит начать содействовать созданию в Северо-Восточной Азии структур безопасности и сотрудничества, которые стали бы в перспективе частью большого евразийского проекта. Придется работать над недопущением разрастания конфликтного потенциала в регионе.

4.1.9. Удачей российской внешней политики последнего десятилетия является активная работа по созданию и развитию БРИКС. Потенциал конкретного сотрудничества ограничен: координация в некоторых областях внешней политики; образование, человеческие связи. БРИКС способен сыграть важную роль в формировании технологических альянсов, способных укрепить технологический суверенитет входящих в него стран⁵. Но как политический клуб, усиливающий позиции его членов, он уже стал фактором изменения баланса сил в мире, может и дальше играть балансирующую и стабилизирующую роль в мировой архитектуре.

4.1.10. В результате к новому туру развития (если и когда он начнется) Россия имеет неплохое геополитическое положение. Советскому Союзу противостоял Запад по всему миру и Китай на востоке. Ему приходилось содержать дорогостоящий соцлагерь, «страны социалистической ориентации» в «третьем мире». Россия же сталкивается с неизбежным, но в перспективе менее острым противостоянием только на Западе. Естественно, если не произойдет провоцирующего обострения ситуации и прямого столкновения. Помогает и качественно сократившаяся необходимость субсидирования почти всех союзных республик. Чем занималась РСФСР в составе СССР.

4.1.11. По сравнению с поздним Союзом ССР и ранней Россией изменилось морально-политическое состояние российского общества. Вместо безверия и умиравшей коммунистической идеологии 1980-х годов и ситуации 1990-х годов, когда революционное меньшинство навязывало, как потом оказалось, нежизнеспособные здесь «либеральные» ценности большинству, пришли патриотизм, государственный национализм и более или менее нормальные традиционные ценности, широко распространенные в мире. Их в общем виде готовы поддерживать значительное большинство населения и большая часть элиты,

⁵ О концепции «Технологических альянсов» см. статью А.Г.Ионина «Технологический альянс вместо Североатлантического», опубликованную в журнале «Россия в глобальной политике» № 3, 2015. <http://www.globalaffairs.ru/number/Tekhnologicheskii-alyans-vmesto-Severoatlanticheskogo-17502>

они чувствуют моральную правоту за позицией страны. Это — кардинальное изменение по сравнению со стыдом и желанием понравиться конца 1980-х — 1990-х годов.

4.1.12. Ситуация на юге осложнилась из-за долговременной дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. Россия лучше многих подготовилась к такому развитию событий. И может выступать поставщиком относительной стабильности и безопасности для соседних регионов и международного сообщества в целом. Что она делает в Сирии, предотвращая дальнейшую дестабилизацию в случае попыток региональных держав добиться гегемонии, экспансию, завоевания ими новых плацдармов, наконец, экспансию экстремизма и терроризма, реально способствуя созданию предпосылок для мирного процесса.

4.1.13. Активная политика на Ближнем Востоке, вокруг Сирии вкупе с твердым курсом в европейском украинском кризисе укрепили позиции России как одной из ведущих держав.

4.1.14 Россия по сути начала предлагать большинству в мире, в том числе даже на Западе, жизнеспособный набор ценностей. Они во многом унаследованы из прошлого, но это прошлое как раз возвращается. Это политический и культурный плюрализм, свобода выбора вместо западного универсализма, государственный суверенитет, национальное достоинство, невмешательство во внутренние дела: опора на традиционные общественные, личные и семейные ценности, поддержка религий, отвержение воинствующего секуляризма.

Эта новая «мягкая» сила России до известной степени компенсирует слабость других ее факторов, прежде всего экономических. Но только до известной степени.

4.2. Были и внешнеполитические неудачи. Остаются крупные нерешенные проблемы.

4.2.1. Не устанем повторять: главная из них — усугубляющаяся уже 8–9 лет экономическая стагнация, способная подорвать геополитические успехи, провоцирующая внешнее давление.

4.2.2. Не удалось выстроить взаимовыгодные и, значит, стабильные отношения в Европе, жизнеспособную систему европейской безопасности. Были и объективные причины — несовпадение векторов развития систем ценностей, стремление Запада к навязыванию своих правил и модели, к экспансии. Но были и российские ошибки. Главные — иллюзия (до второй половины 2000-х годов), что добиться уважения интересов можно уступками, стремлением «понравиться». Россия, выдвигая альтернативные предложения, практически никогда систематически на них не настаивала, удовлетворяясь обещаниями рассмотреть или вежливыми отказами. Трагическим промахом было подписание в 1997 году Основопологающего акта Россия–НАТО, который де-факто легитимировал расширение блока. Тогдашняя слабость — лишь частичное оправдание.

4.2.3. Не удалось предотвратить братоубийственный конфликт на Украине. В его основе — недееспособность украинских элит, приведшая к экономической и социальной деградации страны по сравнению практически со всеми постсоветскими государствами, политика Запада по экспансии зоны своего влияния и контроля, по недопущению сближения Украины и России, стремление значительной части украинского общества к максимальному отделению от России. Но и российская политика несет ответственность. Почти четверть века она либо отсутствовала, либо сводилась к безнадежной попытке «купить» киевскую элиту, по сути, разрешив ей разворовывать гигантские энергетические субсидии, зачастую «на паях» с российскими контрагентами. Сохранялась вера в «братство» двух народов, которое якобы должно было неизбежно вернуть их друг к другу. Не учитывалась запретительная цена «возврата» полуразрушенной за четверть века страны. Результат — война на Украине и дальнейшая ее деградация в сторону либо ультранационалистической диктатуры, либо, что более вероятно, дальнейшей дезинтеграции.

Украина на долгие годы останется фактором, осложняющим конструктивные отношения с Европой, источником «черных лебедей» — непредсказуемых вызовов, кризисов и провокаций. Наконец, важнейшая опасность — растрачивание отечественных ресурсов (политических, интеллектуальных, управленческих, экономических) на безысходную в ближайшие годы ситуацию. Отвлечение России и частично других стран Европы от более продуктивной политики, видимо, было одним из мотивов усилий сил, содействовавших разжиганию кризиса.

4.2.4. Ошибочной была ставка на российско-американскую «перезагрузку», в основе которой лежала вторичная уже для всех проблема — сокращение стратегических наступательных вооружений. Москва не настаивала на решении кардинального вопроса — прекращении экспансии западных союзов на территории, которые в России считались жизненно-важными для безопасности. В первую очередь — на Украину.

4.2.5. Недостаточно обеспечивается экономико-политический поворот на восток. В полусне пребывает расширяющаяся ШОС, уже почти год не видно конкретных результатов договоренности по «сопряжению» ЭПШП и ЕАЭС. Мешают объективные обстоятельства — кризисы на западе и юге. Но играет роль и унаследованная от прошлых веков, а ныне устаревшая и контрпродуктивная европо- или западоцентричность российской политики и дипломатии.

4.2.6. Существует опасность длительного втягивания России в безвыходный клубок ближневосточных проблем. Внешние силы будут толкать нашу страну в конфликты, в том числе к прямой конфронтации с Турцией. Велика вероятность провокаций. К счастью, судя по действиям на сирийском направлении, российское руководство хорошо понимает обстановку и связанные с ней риски, удачно маневрирует, чтобы их снизить.

4.2.7. Нерешенной проблемой остается увязка политической и экономической дипломатии. Ответственность за последнюю расплыта. Руководство страны, увлеченное внешней и военной политикой, не уделяет достаточного внимания внешнеэкономической стратегии. Результат — множество не подкрепленных реальными экономическими мерами политических заявлений.

4.2.8. До сих пор Россия не выработала автоматическую привычку консультироваться с союзниками до принятия решений или выдвижения инициатив их касающихся. И это при том, что и в ЕАЭС, и в ОДКБ Россия приняла модель действительного равноправия. Осталось последовательно претворить ее в жизнь.

4.3. Есть нерешенные проблемы и в отношениях России и Китая. Пока отсутствует совместное долгосрочное видение мира и места в нем двусторонних отношений, не хватает «стратегической глубины», сохраняется неуверенность в необратимости сближения. Не в последнюю очередь из-за экономической слабости России, порождающей сомнения в состоятельности ее курса. И из-за возможности стратегического сближения между КНР и США. Вероятно также и нежелание омрачать «трудными вопросами» пока почти безоблачные политические отношения. Но отказ обсуждать серьезные проблемы, отсутствие стратегической перспективы уже привели к провалу проекта системы евробезопасности.

4.3.1. Надежды на серьезный приток инвестиций из Китая пока не оправдались, что укрепило в России позиции тех, кто противился повороту на Восток, априори не доверял Пекину, лично завязан на экономические связи с Западом. Но, может быть, не меньшая проблема — отсутствие долгосрочной цели со-развития.

4.4. Среди важнейших проблем современной России — ее нацеленность в прошлое. После, как теперь очевидно, обреченной постреволюционной попытки 1990-х годов стать частью Запада или даже просто встроиться в фарватер его политики, отринуть и советское,

и русское имперское внешнеполитическое наследие, Россия вошла в фазу восстановления традиций, но и нового отрицания. На этот раз — неудачной политики первых постреволюционных лет. Хотя и в те годы были достижения — сохранение ядерного потенциала как основы национальной и международной безопасности, хотя бы формального статуса великой державы, дипломатической школы. Приобретен, хоть и дорогой ценой, огромный опыт, послуживший основой нынешней более чем реалистичной политики. Будем надеяться, что Москва от этого подчеркнутого реализма не откажется. Первые десять-пятнадцать лет новой России показали и выгоды поддержания приличных отношений с большинством ведущих держав. Нам не помогали, но не слишком активно мешали, не пытались «добить».

4.5. Российская внешняя политика, как и общество, находятся в процессе самопознания — возвращения на новом уровне к традиционным ценностям, принципам своей внешней политики, да и политики вообще. Главная из этих установок — безусловное обеспечение суверенитета и безопасности. В последние 300 лет к ним в результате петровских и екатерининских реформ и истории побед XVIII и XIX веков прибавилась еще одна — ценность великодержавия. Эти константы нужно принимать как данность. Даже если за их воплощение и обеспечение приходилось дорого платить. Попытка отказаться от них в конце 1980-х и в 1990-е годы была безуспешной и не привела ни к чему кроме потерь и отторжения большинством общества.

4.6. Заикленность на прошлом связана и с тем, что после провала 1990-х годов, восстановления 2000-х годов российская элита так и не выработала нацеленной в будущее национальной стратегии развития и реформ. Неспособность советской элиты сформулировать и претворить в жизнь такую стратегию с конца 1960-х годов привела СССР к развалу. Без общей стратегии, формулирования долгосрочных национальных интересов внешняя политика бесплодна и обречена на неуспех, несмотря на любые волю, интеллект и мастерство. В экономической и социальной сферах отечественный политический класс бездействует. Часть мечтает о возвращении в радостные для него 1990-е годы. Другая часть хочет навсегда задержаться в 2000-х с их благополучием и стабильностью для большинства и возможностью обогащения для верхушки. Но эти годы тоже не вернуться. Без понимания, какой мы хотим видеть Россию, систематически претворяемой в жизнь стратегии реформ, во внешней политике возможны лишь тактические победы, чреватые стратегическими поражениями.

4.7. Главный вывод и рекомендация. Достигнутые успехи во внешней политике, укрепление стратегических позиций страны и ее безопасности, возвращение России статуса первоклассной великой державы, искомого большинством элиты и народа, позволяют, а новые и старые глобальные вызовы, в том числе долгое противостояние с Западом, — настоятельно требуют переноса внимания государства и общества на задачи внутреннего экономического развития, сохранения и подъема человеческого капитала. Нас беспокоит, что большинство элиты не готово к такому перезревшему повороту политики.

4.8. Предложение стратегии развития, особенно экономического — не задача данной группы. Хотя мы не можем обойти некоторые ее элементы. Наша задача — предложить модификацию внешней политики в соответствии с нашим пониманием мировых процессов, российских интересов и возможностей.

5. Политика, нацеленная в будущее

5.1. Учитывая вышеописанные тенденции развития мира и, прежде всего — рост непредсказуемости и конфликтности, российская внешняя политика должна исходить из следующих принципов и целей (в дополнение и развитие официально заявляемых):

5.1.1. Предотвращение нового глобального военного столкновения, глубокого вовлечения России в конфликты, их эскалации.

5.1.2. Всемирное обеспечение технологического и экономического развития, сохранение и приумножение человеческого капитала.

5.1.3. Ориентация исключительно на национальные интересы в их современном и реалистическом понимании. Их не обеспечить без активного участия в международном сотрудничестве. Соперники пытаются нас изолировать. Подыгрывать им нельзя. Максимальная самодостаточность, особенно в продовольствии и ряде технологий желательна. Но самоизоляция обречет страну на деградацию.

5.1.4. Наряду с этим — курс на сохранение максимальной свободы рук. В подвижном мире постоянные союзы еще менее надежны и более дорогостоящи, чем прежде. Речь, разумеется, не о выходе из существующих организаций — Союзного государства, ОДКБ, ЕАЭС и др. Но целесообразно встраивать их в более широкие, менее затратные структуры сотрудничества — например, ШОС, «сопряжение» с Китаем, в перспективе — в рамках евроазиатской системы сотрудничества, развития и безопасности.

5.1.5. Последовательная ориентация на предотвращение новых политических и военно-политических расколов в мире, в том числе и особенно — недопущение возвращения к структурной военной конфронтации в Европе, к которой толкают некоторые силы в евроатлантическом мире. Если в Европе возродится противостояние по типу холодной войны, но только к востоку от прежнего его рубежа, оно будет гораздо более опасным и неустойчивым, чем тогда.

5.1.6. Твердая ориентация на восстановление и поддержание верховенства международного права, прежде всего, Устава ООН. Вмешательство во внутренние дела исключительно по решению СБ ООН (с возможным расширением числа его постоянных членов). России стоит вернуть себе позиции ведущей легитимистской державы.

5.1.7. Россия — оплот международной стабильности и мира, обеспечения свободного развития для всех стран и народов, предотвращения навязывания им чуждых порядков и ценностей, тем более насильственного или через вмешательство во внутренние дела. Страны и народы должны иметь возможность органичного нормального развития. Навязывание любых «измов» следует оставить в прошлом. России стоит активно «поднимать на щит» ценность культурно-цивилизационного многообразия, стремление к гармонии (а не унификации) как важнейшего стабилизирующего фактора полицентричного мира.

5.1.8. Учитывая относительную слабость экономических компонентов силы в ближайшие годы, России, чтобы увеличить свою глобальную совокупную силу, целесообразно использовать конкурентные преимущества — восстановленную и модернизированную военную мощь, качественную и компетентную дипломатию — и сделать ставку на роль поставщика безопасности для международного сообщества, особенно для партнеров и соседей. И через сдерживание, и через конструктивное и активное участие в урегулировании конфликтов (как в Сирии). Или в их предотвращении. Особенно очевидна такая роль в Центральной Азии, где Россия может создать с Китаем тандем, в котором последний обеспечивал бы в первую очередь ресурсы развития, а Россия — безопасность. Естественно на условиях взаимной и общей выгоды.

5.1.9. Идеальное внешнеполитическое и экономическое положение России в будущем — великая, экономически развивающаяся, атлантико-тихоокеанская держава, которая играет центральную роль в Большом Евразийском сообществе, в экономической, логистической, военно-политической интеграции Азии и Европы, гарант международного мира, экспортер военно-политической стабильности для Евразии. Страна, имеющая конструктивные и/или дружественные отношения с основными соседями на западе, востоке и юго-востоке, гарант международной стабильности и мира. Экономическая ориентация — и на восток, и на запад, и на юг, и на север. В среднесрочной перспективе — 10 лет — наиболее выгодные возможности — на востоке и на юге, где сложился четырехмиллиардный рынок потребителей как российского сырья (высокой степени переработки), продовольствия, так и многих видов промышленных товаров, производство которых возрождается. Экономически, но и ментально Россия должна быть не восточной периферией Европы, а северной частью огромной Евразии.

5.2. В конкретной политике предлагаем следующие приоритеты:

5.2.1. Поддержание высокой степени боеготовности и гибкости вооруженных, особенно, ядерных сил, чтобы предотвратить появление у любых стран и союзов иллюзий о возможности военно-политического давления на Россию, тем более победы в военном столкновении. Такие силы необходимы для поддержания международной стратегической стабильности и мира, региональных балансов.

5.2.2. Наполнение поворота на Восток реальными проектами и взаимодействием, в том числе, по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП. Курс на создание сообщества Большой Евразии (вместе с Китаем, Индией, Ираном, вероятно, Южной Кореей, другими державами), открытого для мира и нацеленного на сотрудничество со странами ЕС.

Центральная организация для будущей российской политико-экономической ориентации — активизирующийся ШОС и предлагаемый Форум по евразийскому сотрудничеству, развитию и безопасности, первоначально на экспертном уровне, но с перспективой перерастания в глубокий политический процесс, который объединял бы страны ШОС, Евросоюза, внеблоковые государства. Идеологический нарратив евразийского сообщества — обеспечение развития и благосостояния суверенных стран и народов, их самостоятельного движения к своим политическим системам, отвечающим национальным запросам и особенностям, поддержка культурного и политического плюрализма, гармонизация разных моделей развития без унификации. Поддержка альтернативных и дополняющих старые западные экономических и финансовых структур для обеспечения большего суверенитета стран и устойчивости глобальной экономики.

5.2.3. Курс на развитие, расширение и институциональное укрепление ШОС должен стать приоритетным для российской внешней политики, быть нацелен на создание в ее рамках постоянных институтов, обеспечивающих сотрудничество в области безопасности, координации экономической, финансовой, информационной политики, технологических альянсов, логистических связей, финансовых институтов, экспертных сетей. При этом, естественно, ШОС, другие евразийские структуры должны быть максимально открыты для взаимодействия не только со странами АСЕАН или БРИКС, но и со структурами западного мира, прежде всего, с ЕС и отдельными европейскими странами. Повторим, политика России должна быть нацелена на предотвращение новых расколов мира.

Движение к созданию сообщества Большой Евразии позволит уравновесить рост Китая, поместить его в широкие рамки. Это в интересах и самой КНР, позволит избежать объединения против неё обеспокоенных её мощью соседей. Китаю нужен аналог курса канцлера ФРГ Гельмута Коля в начале 1990-х годов, когда «погружение» объединенной Германии в европейский проект было призвано свести к минимуму страхи соседей и партнеров перед возрождением германской мощи.

5.2.4. Ориентация внешней политики в первую очередь на всё постсоветское пространство стоит постепенно оставлять в прошлом. Прошло 25 лет после развала СССР. Продолжать ностальгировать бессмысленно. Нужна новая политика.

Союзное государство, ОДКБ, ЕАЭС с возможным расширением на одно-два государства является, скорее всего, максимумом необходимой на ближайшее будущее интеграции на постимперском пространстве. Эти союзы надо наполнять конкретным содержанием, встраивать в более широкие (евразийские) политико-экономические конфигурации. В отношении остальных постсоветских стран — минимально затратное поддержание стабильности в них, недопущение расширения иных союзов, угрожающих российским интересам (через предоставление при необходимости статуса договорного постоянного нейтралитета). В современном мире необязательно (а то и откровенно невыгодно) брать на себя бремя, подобное тому, что взвалили на Россию цари и коммунисты. СНГ выполнило, хотя и не совсем эффективно, роль координатора цивилизованного развода. Нужно оценить выгоды и издержки сохранения этой организации в ее нынешнем виде. Надежным же инструментом удержания соседних стран в российской орбите может стать только успешное экономическое развитие России как магнита и выгодного, перспективного партнера соседних государств.

5.2.5. Украина, скорее всего, продолжит деградировать. Важно ограничить негативное и отвлекающее влияние украинского фактора на российскую политику. Программа-минимум выполнена — остановить дальнейшее расширение западных союзов на Украину, другие страны и территории, жизненно-важные с точки зрения безопасности России. Теперь целесообразно, добиваясь соблюдения минских соглашений, на ближайшие годы максимально, насколько это возможно, абстрагироваться от Украины, обеспечивая режим границ. Проблема Донбасса на сегодняшний день нерешаема. Лучше пока иметь полунезависимую, но формально украинскую территорию, которой помогает Россия, то есть по сути «замороженный» конфликт. За экономическое возрождение Украины должны платить европейцы, но делать этого они не будут. Через шаг (3–5–8 лет) на Украине могут появиться новые возможности. Но и новые вызовы. Полезной была бы активная политика привлечения ценных кадров для работы в России, пополнение отечественного человеческого капитала. Это и гуманитарная задача. Нужно помогать людям, попавшим в украинскую беду и желающим жить и работать в России.

5.2.6. Остро необходима дальнейшая активизация политики поддержки русской культуры, языка за рубежом, налаживание связей с российскими диаспорами. Это дело не только государства, но и НКО.

5.2.7. Нужна честно сформулированная программа помощи. Не субсидии, часто бессмысленные и дорогостоящие представительские мероприятия, а прямая точечная поддержка людей, НКО, способных продвигать российские интересы. Не жалобы чиновников на притеснения русского языка, а увеличение его реальной поддержки в странах бывшего СССР и Российской Империи, содействие сохранению и развитию общего культурного наследия, резкое расширение подготовки иностранных кадров в ведущих российских университетах. Если создавать славянские университеты в бывших советских республиках, то нужно достойно их финансировать. Российский бизнес, инвестирующий за границей, должен автоматически включать в свои бизнес-планы гуманитарные проекты, поддержку школ, больниц, стипендии студентам и т.д.

5.2.8. Граждане России за рубежом должны точно знать, что Родина при необходимости жестко встанет на их защиту. Карательные меры в отношении Турции за убийство российских военных могли бы быть и жестче, вплоть до силовых. Но использование лозунга «защиты русского мира» для обоснования целесообразности применения военной силы за пределами России нереалистично и контрпродуктивно. Это

не означает призыва к отказу от применения военной силы за рубежом в случае явной угрозы жизненно-важным интересам.

5.2.9. Работу со странами, входившими ранее в СССР и Российскую Империю, надо все больше переносить на уровень поддержки взаимного обеспечения безопасности, в том числе от вмешательства извне во внутривнутриполитические процессы, в область деловых контактов, обмена студентами, налаживания связей между организациями и деятелями культуры. Это также сфера работы, прежде всего, неправительственных организаций, поддерживаемых государством и российским бизнесом. Необходимо скорейшее преодоление остатков неприличного и вредного высокомерия, когда российские инициативы, касающиеся и союзников, выдвигаются без консультаций с ними.

5.2.10. Обострение (во многом спровоцированное) напряженности по восточному периметру Китая, рост опасений соседей перед его мощью, выход на поверхность застарелых противоречий в регионе создают условия для качественной активизации российской политики безопасности в Азии, формируют спрос на нее, требуют укрепления отношений не только с союзниками по ОДКБ, Китаем, но и с Южной Кореей, Японией, странами АСЕАН и, разумеется, Индией, Ираном, Пакистаном. В перспективе целесообразно налаживание диалога с США (когда и если там поймут бесперспективность курса на разжигание напряженности), другими тихоокеанскими странами для предотвращения роста конфликтности в регионе Тихого океана. Россия могла бы играть балансирующую и объединяющую роль, содействуя предотвращению тенденции к дестабилизации.

5.2.11. В долгосрочной перспективе стоит держать открытой и возможность построения в Азии, включая и часть арабских государств, паназиатской системы безопасности и сотрудничества. Подобные идеи не раз выдвигали и СССР, и Россия. Учитывая усугубляющийся вакуум безопасности, возможно, время придет.

5.3. Целесообразно восстановление и развитие добрососедских отношений со странами Европы. Воссоздание системы евробезопасности на старых основах невозможно. Теперь целесообразно развивать максимально широкое прагматическое экономическое, культурное, научное, образовательное, человеческое сотрудничество. Насколько возможно без политики и идеологии. Ориентация на сотрудничество с отдельными странами. Учитывая перспективное состояние Евросоюза, диалог ЕАЭС–ЕС вряд ли продуктивен. С ЕС — тесный диалог, но вряд ли «интеграция интеграций». С НАТО — профессиональный разговор военных по вопросам поддержания мира и предотвращения эскалации конфликтов, но вряд ли начавшееся восстановление в прошлом бесполезного (и даже вредного, создававшего ложное впечатление здоровых отношений) политического Совета Россия–НАТО. Предотвращение дальнейшей милитаризации европейской политики, чем может быть чревато, в частности, и предлагаемое западными партнерами возобновление переговоров о сокращении вооружений. Вместе с тем, полезен профессиональный диалог военных по предотвращению случайных инцидентов и конфликтов, сокращению военной активности, препятствующий созданию новой системы военного противостояния в Европе.

5.3.1. Движение к переориентации ОБСЕ, чтобы обеспечить ее сохранение на период неопределенности и турбулентности, преимущественно на модернизированную и расширенную «первую корзину». «Вторая» — экономическая — де-факто отмерла, хотя возможно и ее частичное возрождение, если ведущую роль там возьмет на себя бизнес. «Третья» либо выполнила свою функцию, либо играет все более деструктивную роль как инструмент влияния одной группы стран, поддерживая напряженность, мешая развитию суверенитета и политического плюрализма. ОБСЕ стоит ориентировать на предотвращение и урегулирование конфликтов, выработку совместной политики по борьбе с терроризмом и его последствиями, сотрудничество в обеспечении безопасности границ, ограничение и регулирование иммиграции из сопредельных регионов, по координации действий для

предотвращения — военными, политическими, экономическими, гуманитарными инструментами — распространения нарастающей ближневосточной нестабильности и терроризма, а также на борьбу с киберпреступностью. ОБСЕ в перспективе способна сыграть позитивную роль в ограничении ущерба от роста национализма и радикализма в Европе, последствий дезинтеграционных, дестабилизирующих тенденций в странах — членах ЕС и в союзе в целом.

5.3.2. В отношениях с Европой на ближайшее десятилетия нужно исходить из того, что она уже не модель, но и, тем более, не угроза. Близкая культура и партнер по экономическому, человеческому взаимодействию. Пока мы разошлись, но новое сближение желательно и возможно по мере развития России в направлении более диверсифицированной политической и экономической системы, а остальной Европы — в сторону большего консерватизма и реализма и отхода от демократического мессианства.

5.3.3. Продолжение курса на экономическое, образовательное, научное сотрудничество, расширение человеческих контактов выгодно с политической точки зрения: односторонняя переориентация на восток невозможна и нежелательна, она ослабит международные позиции России. Недопустимо взаимное отстранение и с культурной точки зрения. Европа — исторически важнейший источник русской цивилизации и культуры, идентичности большинства россиян. Государственность нашим предкам помогла создать варяги. Религию мы взяли у тогдашней передовой Европы — Византии.

5.3.4. В этой связи целесообразно сохранение членства в Совете Европы. Несмотря на обструкционистскую линию большинства в ПАСЕ. СЕ — организация, подчеркивающая культурную и историческую общность народов широкой европейской цивилизации. Многие его культурные, правовые конвенции содействуют общеевропейскому сотрудничеству, поддержанию стандартов в области защиты прав человека во всех европейских государствах. В том числе и в России. Но не только в ней.

5.3.5. Не стоит снимать с повестки дня и возможность построения в долгосрочном плане единого экономического и человеческого пространства со странами ЕС. Конечно, не на принципах Брюсселя, как предлагалось раньше, но в большом евразийском контексте. ЕС потерял стратегическое видение, у него не осталось большого проекта. Это одна из причин кризиса. Стоит держать европейско-евразийскую перспективу открытой.

5.3.6. Украинский и схожие случаи стоит решать на основе договорного постоянного нейтралитета и погружения в новые форматы сотрудничества и безопасности. В первую очередь — в евразийский. Учитывая новые реалии — в первую очередь движение Китая на запад, ставка должна делаться на то, чтобы замещать одностороннюю европейскую геополитическую ориентацию России евразийской. Движением от несостоявшейся Большой Европы к Большой Евразии или даже в долгосрочной перспективе — к Сообществу Большой Евразии от Сингапура до Лиссабона.

5.3.7. Цель отношений с США — твердое сдерживание опасных действий особенно в период их приспособления к новой реальности, стимулирование необходимого отказа от революционного демократического мессианизма. Но главное — долгосрочный курс на сотрудничество в избегании и урегулировании кризисов, предотвращении их перерастания на глобальный уровень. Основной инструмент — интенсивный, в том числе многосторонний диалог по предотвращению расшатывания международной стратегической стабильности. Оптимальный вариант отношений после предстоящего трудного и длительного периода — конструктивные, вплоть до дружественных. Тот факт, что по отдельным вопросам Россия и Соединенные Штаты способны плодотворно взаимодействовать даже сегодня (Сирия), дает некоторые основания для оптимизма.

Возможно, начавшийся частичный отход США от неудавшейся роли мирового жандарма создаст в дальней перспективе основу для позитивного и равноправного взаимодействия великих держав в решении важнейших глобальных и военно-политических проблем.

Диалог должен вести к повышению прозрачности, доверия, исключению случайного применения вооруженных, тем более ядерных, сил. Но нельзя снова вступать на путь переговоров по ограничению вооружений, как это было в годы холодной войны, а потом кратко воспроизвелось в ходе «перезагрузки». Такие переговоры или практически бесполезны, или даже служат оправданием гонки вооружений, милитаризации политических отношений, усугублению элементов конфронтации и недоверия.

5.3. Подчеркиваем, главной задачей российской внешней политики, равно как и первостепенной задачей всей стратегии России, является обеспечение скорейшего выхода из кризиса развития, в котором находится страна и который угрожает её суверенитету, долгосрочным позициям в мире. Внешняя политика должна помогать мобилизовать общество, но не отвлекать от главной цели — экономического и научно-технического возрождения.

Необходимо наращивание усилий на перспективных направлениях, а это на ближайшее десятилетие — восточное. Нельзя отвлекаться на затратные, малоперспективные, периферийные темы. Внешняя политика в той мере, в которой это от нее зависит, равно как и вся государственная политика, должна быть нацелена на обеспечение перехода от выживания, восстановления и накопления сил и затянувшегося «отдыха» к научно-техническому и экономическому развитию. Что требует, разумеется, пересмотра приоритетов не только государственной политики, но и общества.

Новыми героями должны стать не бандит, олигарх или народный трибун, как в 1990-е годы, «прибюрокраченный» бизнесмен или чиновник, как в 2000-е, а программист, инженер, офицер, предприниматель, учитель — создатели и защитники производственного и человеческого капитала нации. Дипломаты, международники будут занимать достойное место в этом ряду, если смогут помочь умной, смелой, но экономной внешней политикой этому перезревшему реформированию России.